

Моей жене Джин Стоун, которая была домашним редактором двадцати пяти опубликованных мной книг, а в свободное время прекрасно ведет домашнее хозяйство, управляет нашими делами, воспитала двоих детей, занимается замечательными общественными делами, помогает своей общине, делает счастливым трудного мужа, с признательностью и любовью.

Бессмертие подразумевает любовь
многих безумных людей.

Зигмунд Фрейд

Книга первая

БАШНЯ ГЛУПЦОВ

1

Они энергично шли вверх по тропе, их подтянутые молодые фигуры ритмично раскачивались в такт с их шагами. В низкой траве на ближайшей лужайке росли желтые цветы. Шелковистые лепестки лютиков пожухли еще после Пасхи, но под буками уже разостлались ярким ковром весенний вереск, примулы и шиповник.

Он был невысок ростом, всего метр шестьдесят, да и то если вытянется в струнку. Однако он чувствовал себя под стать девушке, которая так грациозно шла рядом с ним. Он бросил робкий взгляд искоса на профиль Марты Бернейс, на ее строго очерченные подбородок, нос и брови. Ему было трудно поверить в то, что случилось. И вот он здесь, двадцатишестилетний, увлеченный физиологическими исследованиями в Институте профессора Брюкке, вынужденный ждать пять лет возможности полюбить и десять лет — жениться. Пусть он обыкновенный новичок в химии, но не может же он не знать, что любовь не всегда подчиняется расписанию. Он сказал:

— Невероятно. Этого не могло случиться!

Девушка взглянула на него с удивлением. Мягкий свет едва пробивался сквозь чащу леса. Березы с толстыми стволами и отмершими нижними ветвями своими кронами прикрывали тропу от солнечных лучей. Быть может, именно нежные тени мёдлинских лесов придавали лицу Марты волнующее очарование? Она не мнила себя красавицей, но была, на его взгляд, удивительно привлекательной: большие серо-зеленые чуткие, пронизательные глаза, густые каштановые волосы, уложенные на прямой пробор и плотно облежавшие голову, красивый, чуть вздернутый нос и волнующий рот с алыми пухлыми губами. Лишь ее подбородок казался слишком волевым для гармоничного облика.

— Что невероятно? Чего не могло случиться?

Они подошли к тому месту, где тропинка делала поворот и где солнечные лучи пробивались сквозь зелень листвы.

— Неужели я сказал вслух? Вероятно, меня подвела тишина леса. Мне следует быть более осторожным, если ты можешь слышать меня так отчетливо.

Они дошли до середины плоскогорья, откуда можно было подняться на вершину горы и любоваться видом Мёдлинга, раскинувшегося у ее подножия. Из городского парка доносились слабые звуки оркестра. Мёдлинг был очаровательным, похожим на село городком в часе езды от Вены. По воскресеньям он становился модным курортом, куда устремлялись жители Вены. Маленькое красивое море его черепичных крыш переливалось в лучах теплого июньского солнца, а чуть подальше по склону горы карабкались виноградники с налившимися гроздьями винограда; молодое вино этого урожая венцы будут пить следующей весной в кабачках Гринцинга.

Марта Бернейс гостила у друзей ее семьи; в Мёдлинге на улочке Грильпарцер у них был собственный дом. В то утро Зигмунд приехал поездом с Южного вокзала Вены. Они вместе побывали на площади Франца Иосифа с ее резной позолоченной колонной, увековечивающей победу над эпидемией чумы, прошли по главной улице к старой ратуше с ее часами и куполами в виде луковиц, затем, миновав фонтан на Пфарргассе, оказались у храма Святого Отмара, возвышавшегося над городом. Глядя на круглую каменную башню напротив храма, Марта заметила:

— Она похожа на итальянскую крестильню, но, как утверждают жители Мёдлинга, это башня старых костей. Не объяснишь ли ты мне как врач, каким образом туда бросают кости без остальной части тела?

— Будучи неоперившимся врачом без практического опыта, не имею ни малейшего представления. Почему бы тебе не взяться за научную работу на эту тему? А я порекомендую ее медицинскому факультету с предложением присвоить тебе научную степень. Ты хотела бы стать врачом?

— Нет. Я предпочла бы быть хозяйкой и матерью шестерых детей.

— У тебя скромные желания. Достичь их не так уж сложно.

В тенистых участках леса ее глаза блестели как изумруд.

— После того как осуществляются мои планы, хотелось бы жить без неприятностей. Как видишь, я склонна к романтике. Хотела бы любить мужа и прожить с ним в согласии полвека.

— Честолюбива же ты, Марта! Помнишь Гейне:

Холостым бы жить мне надо! —
Стонет в сотый раз Плутон, —
Брачной мукой истомлен,
Вижу: раньше, без жены,
Ад мой вовсе не был адом.
Холостым бы жить мне надо!
С Прозерпиной чем страдать,
Лучше мне в могиле спать!

Она подняла брови:

— Ты, надеюсь, не веришь Гейне?

— Я? Разумеется, нет. Брак придуман для простаков наподобие меня. После брачной церемонии меня одолеет привычка.

— Кажется, Гёте сказал, что к гиперболам прибегают те, кто хочет скрыть истинные чувства?

— Нет, дорогая фройляйн Бернейс, это вы сочинили такую цитату.

Зигмунд был знаком с ней недолго и еще не успел оценить все привлекательные черты ее характера, но был очарован ее голосом. Марте шел двадцать второй год. Она приехала из Гамбурга, старинного ганзейского города, говорила на чистом немецком языке, столь не похожем на быстрый, простецкий, небрежный говор венцев. Она рассказала ему, как ей удалось сохранить чистоту дикции, хотя школьные подруги изводили ее, обвиняя в гордыне, высокомерии, в стремлении к превосходству. Многие венцы бросали подобные обвинения богатым гамбургским буржуа, уверенным в себе, процветающим и независимым. Отец Марты, Берман Бернейс, на протяжении десяти лет, вплоть до внезапной кончины в 1879 году, был помощником известного экономиста Лоренца фон Штейна из Венского университета.

— Когда я поступила в школу в Вене, — рассказывала Марта Зигмунду, — мне было восемь лет. Естественно, я подражала своим подругам, произнося город как г-хород, камень как к-хамень. Однажды отец пригласил меня в свой кабинет и сказал: «Малышка, ты говоришь не на немецком языке, а на воляпюке. Мы не говорим г-хород или к-хамень. Мы говорим город и камень. Это и есть чистый немецкий язык». На следующий день я сказала родителям, что попробовала новый пирог штрудель. Отец сказал: «Не знаю, что такое штрудель, но, чем бы он ни был, мы будем называть его струдель». В конце концов мои школьные подруги решили, что я страдаю пороком речи вроде заикания.

Они продолжали подниматься по одной из расходившихся веером троп, каждая из которых была помечена своей краской на стволах деревьев, дабы путники не заблудились в густых лесах к югу от Вены. Тропа, усыпанная опавшей сосновой хвоей, была скользкой, и поэтому Зигмунд поддерживал Марту за локоть, чтобы она не упала. Солнце стояло в зените, деревья не всегда прикрывали тропу от его лучей, воздух был пропитан запахом хвои и смолы.

Сверху доносилось эхо:

— Эй! Эй! Подтянитесь, ленивцы.

Это был брат Марты Эли, на полтора года старше ее; любитель боковых дорог, он незаметно пробрался к их тропе и, двигаясь вдвое быстрее, сумел раньше их преодолеть то же самое расстояние.

До перевала оставалось четверть часа. Отсюда открывалась захватывающая дух панорама: на севере на расстоянии десяти миль виднелась гора Каленберг, которую называли домашней горой Вены, она возвышалась над городом как страж.

Под сенью деревьев приютилось небольшое кафе. Семьи отдыхающих сидели на скамьях вокруг столов, заказывая кофе или пиво. Отыскав небольшой столик с мраморной доской, окруженный плетеными стульями, Зигмунд заказал три бутылки газированной воды с малиновым сиропом. Двумя большими глотками Эли осушил свою бутылку, вскочил с места и как олень помчался на поиски новой тропы, бросив через плечо:

— Не заблудитесь. На обратном пути я вас найду.

2

Они сидели лицом к мягкому солнцу, посылавшему столь приятное тепло в сырую венскую зиму. Он положил свою руку на стол ладонью вверх, она — свою руку на его. Ее рука была напряженной, нежной, а кожа холодной и слегка влажной. Она впервые посмотрела ему прямо в глаза. Их семьи были знакомы давно, но Марта и Зигмунд встретились всего два месяца назад. У него был крупный, довольно костлявый нос, вызывающе выступавший между глазницами; густые, отливавшие блеском черные волосы, зачесанные к правому уху; скромная бородка и усы; высокий лоб и выделявшиеся на привлекательном лице большие, блестящие, слегка задумчивые глаза.

— Расскажи мне о своей работе. Я не хочу показаться нескромной, но знаю лишь то, что ты работаешь ассистентом в физиологической лаборатории профессора Брюкке.

— Да. Я изготавливаю диапозитивы для лекций профессора Брюкке.

Он придвинул ближе свой стул, шурша ножками по гравиию.

— Как рассказывать: с начала или с конца?

— С начала, как поступают все.

— Первые четыре года обучения медицине были неинтересными, не считая того момента, когда мне исполнилось двадцать лет и профессор зоологии Карл Клаус дважды посылал меня в Триест, где была основана опытная зоологическая станция. Я изучал там половые органы угрей.

— А что сие значит?

Мимо прошел Эли, воскликнув: «Пора возвращаться домой!» — и исчез в чаще. Марта и Зигмунд неохотно последовали за ним по лесной тропе и вскоре оказались у огромного дерева, перегородившего дорогу. Помогая девушке перебраться через кругляк, он не мог не заметить красивые щиколотки ее ног. Далее дорога круто повернула, и они увидели впереди просеку, через которую устремлялся поток солнечных лучей в долину, и дровосеков, укладывавших бревна в ровные ряды.

— Было бы чудесно, — пробормотал он, — если бы мы могли распределять дни и результаты нашей жизни так же аккуратно, как дровосеки укладывают бревна.

— Разве мы не можем?

— Почему бы нет? Что тут невозможного? Я думаю так, Марта. По крайней мере надеюсь. Я по натуре привержен порядку и избегаю хаоса.

Какое-то время они шли молча, ранее заданный вопрос повис в воздухе. Если бы он уклонился от ответа, она не повторила бы вопроса. Но если не ответить ей как равной, Марта может подумать, что он считает ее несмышленишем. Зигмунд заговорил спокойным, академичным тоном, каким беседовал со студентами на консультациях:

— Словарь определяет половые органы как железы, производящие яйцеклетки и сперму. Моя задача состояла в том, чтобы обнаружить мужские железы угря. Слабый намек был найден доктором Сирским. Я должен был подтвердить или опровергнуть его находку.

При упоминании мужских желез Марта едва не оступилась. Повернувшись к нему, она спросила:

— Какой смысл в поиске мужских половых желез угря? И почему их не обнаружили тысячу лет назад?

— Умный вопрос. — Он осторожно взял ее под руку. — Мужской орган можно обнаружить лишь в брачный период, но в это время угри находятся в море. Их никогда не вылавливали в брачный период. Никто не встречал зрелого самца-угря. А может быть, ни у кого не было интереса к этому.

— А ты нашел то, что искал?

— Полагаю, да. Доктор Сирский был прав, и я смог подтвердить его вывод. Профессор Клаус зачитал текст моего отчета на заседании Академии наук, и пять лет назад он был опубликован в «Бюллетене» академии. С тех пор никто так и не оспорил мои выводы.

В его голосе звучала гордость за то лучшее, что может сделать человек, — за творческую работу. Искра одобрения в ее глазах побудила его продолжать. Ему казалось, что он высказывает свои внутренние убеждения с такой силой, с какой ему никогда не удавалось делать это перед женщиной, молодой или пожилой.

— Проблема шире, чем практическое применение выводов профессора Клауса о гермафродитизме у животных, хотя угри как будто подпадают под эту категорию. Исследования не должны сковываться рамками обыденной морали. В науке любая невежественность плоха, а любое знание хорошо. Как полагает Чарлз Дарвин, люди появились на земле давным-давно, миллионы лет назад. Вначале мы ничего не знали об окружающих нас силах. Но все эти миллионы лет человеческий мозг искоренял невежество и накапливал добытые трудом знания. Величайшее событие для человечества — найти что-то ранее неизвестное или необъяснимое. Каждая добытая крупица знания не может сразу, немедленно найти применение. И если мы что-то узнали, документально доказали и таким образом извлекли из неведомого, то это уже успех.

Теперь был ее черед сжать его руку — теплую, костлявую, дрожащую от возбуждения, навеянного картиной, которой он пытался увлечь обретенного друга.

— Спасибо. Никто еще не говорил со мной так. Это позволяет мне ощущать себя... личностью. Нет, взрослой. Ты не мог сделать мне лучшего подарка, даже если бы искал его на Кертнерштрассе.

Они вернулись на Грильпарцергассе к полудню. Зигмунд и Марта предпочли выпить кофе в саду. Эли остался дома с гостями. Небольшой окруженный стеной сад позади дома благоухал ароматом цветущих лип. Марта принесла в беседку блюдо запеченных в тесте

ягод и села рядом с Зигмундом на деревянную скамью. Он наблюдал за грациозными движениями ее рук, когда она наливала кофе и молоко в чашки. Они потянулись за орехами в серебряной вазе.

— Посмотри, — воскликнула она, — сдвоенный миндаль! Это знак влюбленных. Теперь мы обязаны по обычаю обменяться подарками.

— Мне нравятся предзнаменования, в особенности если они сулят благо. Подвинься поближе, и это будет лучшим подарком, лучше того, который можно купить в Грабене.

Она села так близко, что Зигмунд, слегка нагнувшись, мог коснуться ее плеча. Его глаза сияли от радости. Ему нравилась эта девушка, хотя только однажды, когда ему минуло шестнадцать лет, он испытал, что такое любовь. В то время родители послали его на каникулы во Фрайберг, где он жил в семье Флюс, давнишних знакомых. Зигмунд увлекся их пятнадцатилетней дочерью Гизелой, гуляя с ней по романтическим лесам и мечтая о красивой семейной жизни. Но он не открыл своих мечтаний Гизеле, и молодая девушка исчезла из его воспоминаний, как только он вернулся в Вену и увлекся учебой в гимназии. В это время вместе с приятелем он изучал испанский язык, чтобы читать «Дон Кихота» Сервантеса в оригинале.

Зигмунд не осмелился рассказать Марте о своей любви: это было бы слишком поспешным, и она могла плохо подумать о нем, ведь они были знакомы лишь семь недель. Да и с ее стороны не было подходящего намека. Он сказал, обращаясь к ней:

— Чаша моя преисполнена.

— Это из псалмов.

— Отец читал их мне, когда я был ребенком: «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих, умастил елеем голову мою...»

— У тебя есть враги?

— Только я сам.

Ее мелодичный смех звучал в его ушах, подобно колоколам собора Святого Стефана. Он не мог сдержать прилива нахлынувших чувств.

— Расскажу тебе об истинном предзнаменовании. Помнишь тот вечер, когда я впервые увидел тебя? Я пришел домой с пачкой книг под мышкой, намереваясь засесть на четыре часа за зубрежку. А ты восседала за столом с моими сестрами, разумно рассуждая о чем-то и очищая от кожуры яблоко своими тонкими пальцами. Я был так тронут, что мой порыв иссяк, и я сел рядом с вами.